

Станислав Лакоба

АСЛАНБЕЙ

Станислав Лакоба

АСЛАНБЕЙ

(К вопросу о политическом противоборстве в Абхазии в
первой трети XIX столетия)

Сухум
1999

Предлагаемая работа “Асланбей” выполнена в 1997 году ведущим научным сотрудником Абхазского института гуманитарных исследований, кандидатом исторических наук Станиславом Лакоба и посвящена политическому противоборству в Абхазии в первой трети XIX столетия. Драматические события того времени освещаются на фоне таких ярких личностей, как владельцы независимой Абхазии Келешбей и его сын Асланбей Чачба (Шервашидзе).

Исторический очерк основан на документальном материале и представляет собой новый взгляд на процесс включения Абхазского княжества в состав Российской империи.

Исследование впервые вышло в свет в сухумской “Нужной газете” (1998, 1 января, № 1; 1998, 12 марта, № 11) и нашло отражение в опубликованной в Лондоне книге “Абхазы”: The Abkhazians (ed. George Hewitt) London: Curzon Press, 1998-99.

Художник: Батал Джопуа.

**Автор выражает благодарность
Лиане Кварчелия**

Формат 60x84¹/₁₆. Тираж 1500. Физ. печ. л. – 2,5.
Усл. печ. л. – 2,33. Заказ № 435. Цена договорная.

Печать с готовых позитивов.

Издательско-полиграфическое объединение
Республики Абхазия.
г. Сухум, ул. Эшба, 168.

... Аслан! Я верю небылице:
Отцовской кровью плачет твой кинжал!

Виктор Стражев

I

На протяжении многих десятилетий драматические события абхазской политической жизни первой трети XIX века, вопрос о так называемом присоединении Абхазии к России, о таинственности и противоречивости, безусловно, выдающейся политической фигуры Асланбея Чачба (Шервашидзе), старшего сына Келешбея, о котором К. Кудрявцев заметил: “Арсланбей – злой гений Абхазии начала XIX века”¹ – вызывает огромный интерес не только у абхазского общества.

В разное время этот период истории Абхазии привлекал к себе внимание целого ряда ученых и публицистов, среди которых следует особо отметить С. Броневского, Н. Дубровина, В. Потто, К. Мачавариани, А. Фадеева, И. Антелава, Г. Дзидзария и др. Источниковой основой для этих работ послужили “Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею”² (далее АКАК).

В этом фундаментальном труде сосредоточены десятки основополагающих документов первой трети XIX века, проливающих свет на далеко неоднозначные события в Абхазии. К таковым, например, относятся материалы, посвященные деятельности абхазского владельца Келешбея, его старшего сына Асланбея, а также

---

¹ Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии. Сухум, 1922, с. 155

² АКАК. В 12-ти томах. Тифлис, 1866-1904.

Сефербея. Обращает на себя внимание утвердившееся с начала XIX века в русской и советской историографии расхожее мнение о том, будто Келешбей стремился в Россию, а его старший сын Асланбей в связи с таким стремлением организовал заговор и якобы убил отца. Благодаря этим исследованиям, в сознание абхазского народа исключительно через книжную, литературную пропаганду, созвучную с официальной имперской доктрине, в течение почти двух столетий внедрялся тезис об “отцеубийце Асланбее”, в то время, как в памяти народной Асланбей жил самостоятельной, совершенно иной жизнью народного героя, законного владельца, боровшегося за свободу Абхазии, что нашло свое отражение и в абхазском фольклоре. Об этом, в частности, свидетельствует В. И. Стражев (1879-1950 гг.) – не только поэт, литератор, но и археолог, историк. Он представляет собой редкое исключение в том смысле, что выбивается из общепринятого русскоязычного ряда текстов на тему об Асланбее. Хорошо знавший Абхазию, внимательно изучавший исторические источники, он еще в 1923 г. поставил под сомнение причастность Асланбея к убийству Келешбея. В лирическом стихотворении “Асланбей” есть удивительно пронизательные строчки:

... Аслан! Я верю небылице:

Отцовской кровью плачет твой кинжал!

В небольшой исторической справке к этому стихотворению Виктор Стражев пишет об Асланбее: “Его бурная жизнь прошла в упорной и жестокой борьбе с братом (от другой жены Келешбея) Сефербеем и племянниками Дмитрием и Михаилом, последующими владельцами Абхазии. Ярый противник русских, Аслан воплотил в себе образ героя – борца за независимость и таким остался в памяти своего народа”.³

Интересно, что первое известие об убийстве Келешбея было получено ген. Рыкгофом именно от Сефербея – заинтересованного лица. На основании донесения Рыкгофа граф Гудович 19 мая 1808 г. обратился с подробным донесением к Александру I.⁴ Затем, 8 июня 1808 г. владелица Мегрелии Нина обращается из Зугдиди с

³ Стражев В. Горсть. Сухум, 1923, с. 29

⁴ АКАК, т. 3, с. 198-200

письмом к графу Гудовичу⁵ и в тот же день пишет прошение русскому императору. Именно в этих документах изложена официальная версия происшедшего в Абхазии. Интересно, что эта точка зрения, без критического анализа источников, почему-то слово в слово перековывалась в труды русских и советских историков. Поражает и выборочность “нужных” документальных материалов, приводимых в исследованиях. Никто из историков, которые специально разрабатывали тему России и Абхазии начала XIX века, не приводит, например, такое важное свидетельство, как упоминаемые ген. Рыкгофом, обращенные к нему письма самого Асланбея, где он говорит о своей невинности и что в убийстве его отца замешаны посторонние люди.⁷

Не может не настораживать и другое обстоятельство. Сефербей, претендовавший на престол, не мог его занять в силу того, что был сыном крестьянки, простолюдинки. Он был законным сыном Келешбея, но по абхазскому праву не мог стать владельцем. Более того, на момент убийства русское военное командование и царская администрация с крайним недоверием относились к Келешбею и его старшему сыну Асланбею – законному наследнику Абхазского престола.

В политическом плане и в военных вопросах Россия в этом регионе делала ставку только на Мегрелию, а конкретно, на Нину Дадияни, которая ничем не гнушалась лишь бы удовлетворить аппетиты России и свои собственные амбиции. Естественно, Нина Дадияни не могла влиять на Абхазию при Келешбее или Асланбее, но ее и Россию вполне устраивал слабохарактерный Сефербей, который являлся зятем владелицы Мегрелии. Об этом кресноречиво говорится в ее обращении к Александру I от 8 июня 1808 г.: “И так, самодержавнейший Государь, ныне время удобное принять Сефербека под Ваш покров, ибо он есть член (нашего дома) и сосед наш”.⁸

⁵ АКАК, т. 3, с. 201-204

⁶ АКАК, т. , с. 201

⁷ АКАК, т. 3, с. 205

⁸ АКАК, т. 3, с. 201

Келешбей Чачба

Следует особо отметить и такой факт. В день убийства Келешбея 2 мая 1808 г. Сефербей не был в Сухум-Кале, и потому не мог быть очевидцем случившегося. Между тем первые сведения, причем подробные, русское военное командование получило именно от Сефербея, который обвинил в гибели Келешбея его сына и своего старшего брата Асланбея. Странно и другое. В тот роковой день Келешбей собрал своих самых доверенных людей⁹ и обсуждал с ними важные вопросы. Почему среди этих наиболее верных сторонников не было, например, Сефербея, который в момент убийства не находился в Сухум-Кале, а пребывал в Никопсии¹⁰ или в Лыхны?¹¹ По всей видимости, Сефербей в приказном порядке опорочил старшего брата Асланбея, законного наследника престола, который никак не устраивал русское командование и Ниңу Дадияни в этом качестве. И только очернив, оклеветав его в страшном преступлении, можно было найти формальный повод к его отлучению от престолонаследия. Между тем, обращаясь к Александру 1, даже граф Гудович в своем первом сообщении об убийстве Келешбея, ссылаясь на якобы непростые взаимоотношения отца с Асланбеем, вынужден был признать, что накануне гибели Келешбея Асланбей сумел вернуть к себе расположение владетеля Абхазии или, если дословно: “успел приобрести его (Келешбея - С. Л.) доверенность”¹².

II

Как известно, в 80-х гг. XVIII века к власти стремительно пришел абхазский владетельный князь Келешбей Чачба (Шервашидзе). В течение трех десятилетий он проводил самостоятельную политику, успешно лавируя между интересами Турции и России. Князь отличался умом, хитростью и его имя было широко известно

⁹ АКАК, т. 3, с. 198-200

¹⁰ АКАК, т. 3, с. 201

¹¹ Дзидзария Г. А. Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века. Сухуми, 1940, с. 16

¹² АКАК, т. 3, с. 198-200

за пределами Кавказа. Высокого роста, с резкими чертами лица и огненными волосами, он заметно выделялся среди окружающих и приковывал внимание современников – военных, дипломатов, путешественников.

Келешбей быстро подчинил себе феодальную знать Абхазии, опираясь на мелкое дворянство и “чистых” крестьян-анхаю, каждый из которых был вооружен ружьем, шашкой и пистолетом. Эта постоянная стража состояла из 500 ратников. В случае военной угрозы Келешбей в считанные часы выставлял хорошо вооруженное 25-тысячное войско с артиллерией, конницей и даже флотом. До 600 военных галер владельца постоянно крейсировали вдоль Черноморского побережья, от Батума до Анапы, причем комендантами крепостей Поти и Батум были его племянники – однофамильцы.

На первом этапе своей деятельности Келешбей пользовался военно-политической поддержкой Турции, под протекторатом которой находилась Абхазия. В период расцвета этих отношений владелец построил в Сухуме 70-ти пушечный корабль и подарил его султану.

Однако Келешбей, как и его отец владелец Манча (Манучар) Чачба, высланный султаном в середине XVIII века в Турцию вместе с братьями Ширваном и Зурабом, вынашивал сокровенную мечту о полной свободе и независимости Абхазского государства.

Келешбей помнил как расправились с его семьей. Только дяде его Зурабу удалось вернуться в Абхазию и стать владельцем. Во время пребывания в турецкой ссылке князей Чачба, в Абхазии усилились эшерские князья Дзяпш-ипа, занявшие окрестности Сухума. Не имея возможности бороться с этой фамилией, Зураб старался сохранить с ней дружественные отношения и даже женил на княжне Дзяпш-ипа своего племянника Келешбея. Заручившись поддержкой этого влиятельного клана, Зураб в 1771 г. поднял восстание и изгнал турецкий гарнизон из Сухума. Однако, в результате предательства одного из Чачба, турки скоро вернули Сухумскую крепость, а затем, устранив Зураба, признали владельцем Абхазии Келешбея.

Сухум-Кале: Келешбей и корабель

Келешбей внимательно следил за утверждением России в Восточной Грузии, где в 1801 г. было упразднено Картлийско-Кахетинское царство. Владетель надеялся, что военное присутствие царской России в Закавказье (Южный Кавказ) – временное явление, в связи с чем он сделал в 1803 г. первый чисто формальный шаг к сближению с Россией. Однако, как верно заметил по этому поводу историк И. Г. Антелава, “Келеш-бек не решался, колебался вступить в российское подданство, боясь потерять свою независимость”.¹³ Он лишь намеревался с помощью России избавиться от протектората Турции, что и случилось 25 июля 1806 г. после неудачного похода турецкого флота в составе 3-х военных кораблей и 8-ми гребных судов к берегам Абхазии. Келешбей успел подготовиться и выставил у Сухумской крепости многотысячную абхазо-адыгскую армию. Флот развернулся и ушел.¹⁴ “Это счастливое событие окружило имя Келеш-бея ореолом героя и еще больше подняло его авторитет, – отмечал в 1940 г. Г. А. Дзидзария. – Почти год управлял он независимой Абхазией и заметно охладел к России, вследствие чего царские генералы даже заподозрили его в “измене”.¹⁵ Однако в дальнейшем известный историк-кавказовед Г. А. Дзидзария издал монографию с совершенно иным названием: “Присоединение Абхазии к России и его историческое значение” (Сухуми, 1960), что было продиктовано идеологическими соображениями...

В конце XVIII – начале XIX вв. владетель Абхазии неоднократно вторгался в пределы Мегрелии и Имеретии, а его войска доходили до Кутаиси. На левом берегу, в устье Ингура, он укрепил за собой крепость Анаклию. В 1802 г. Келешбей выставил 20-тысячное войско с 3 пушками против владетеля Мегрелии Григория Дадияни и взял в заложники его сына – наследника Левана. Положение Григория Дадияни, бессильного сдерживать натиск царя Имеретии Соломона II, с одной стороны, и абхазского владетеля

¹³ Материалы по истории Абхазии. Сухуми, 1939, с. 107

¹⁴ АКАК, т. 3, с. 192-193, 519-520; Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 1. М., 1823, с. 348

¹⁵ Дзидзария Г. А. Борьба за Абхазию, с. 15

– с другой, вынудило его первым в Западной Грузии прибегнуть к военной помощи России и вступить под ее покровительство в декабре 1803 г.

С этого момента Мегрелия оказывается на острие российской политики в крае. Однако слабовольный Григорий Дадияни не годился на эту роль, а царские власти и военное командование России все большее внимание обращают на его энергичную и властолюбивую жену Нину, которую Цицианов в письме Литвинову в ноябре 1804 г. образно и лаконично охарактеризовал: “великая интриганка”.¹⁶

24 октября 1804 г. Григорий Дадияни неожиданно умирает. По свидетельству католического священника, патера Николо, владетель Мегрелии был отравлен жареной курицей, заправленной ядом, а когда почувствовал себя плохо, ему принесли пилюли, наполненные опиумом. Патер Николо сообщает, что все это было устроено княгиней Ниной,¹⁷ овдовевшей в 27 лет.¹⁸ Такого же мнения придерживался и русский историк Н. Дубровин, назвавший Нину Дадияни “женщиной отважною, хитрою и самолюбивою”.¹⁹

Патер Николо был личным врачом Григория Дадияни и после почти месячной отлучки, вернувшись в Мегрелию, застал его уже мертвым. По наведенным справкам патер узнал, что Дадияни лечила лекарка Зева. Николо при собрании народа попросил ее рассказать обстоятельства, которые предшествовали кончине.

– “После твоего лекарства, говорила Зева, Дадиян был истинно здоров, так что оправясь в теле, имел чрезвычайный аппетит. В субботу он приказал жене подать ужин. Изготоя курицу с маслом, княгиня Нина отослала ее мужу. Съевши половину, Дадиян сказал: как невкусна курица, но по тогдашнему его аппетиту съел всю без остатка. В полночь он почувствовал жестокую боль в желудке, спрашивал у жены с кем она прислала. Дадиян потребовал твоих

¹⁶ Дубровин Н. История войн и владычества русских на Кавказе. Т. 4. СПб, 1886, с. 201

¹⁷ АКАК, т. 2, с. 481-482, 491, 534-536

¹⁸ АКАК, т. 6, ч. 1, с. 627

¹⁹ Дубровин Н., с. 198-199

(ксендза Николо) пилюль, но вместо них были принесены другие, переполненные опиумом. После приема пилюль, в полночь, ему сделалось хуже, и он приказал позвать меня. Я сказала, что не в состоянии его вылечить, потому что, по мнению моему, он должен быть отравлен, и советовала призвать тебя. Услышав о том, княгиня Нина запретила, под страхом наказания говорить об отравлении, присовокупив, что кто может отравить Дадиана?

Вслед затем патер Николо, продолжает Н. Дубровин, вместе с лекаркою отправился к княгине Нине.

– Зачем вы дали Дадиану опиум? – спросил Николо.

– Я сделала это по ошибке, – ответила Нина, – но что делать!”

Патер Николо заплакал. “Не плачьте, утешала его Нина, я знаю, что скоро мой сын Леван будет Дадианом, он еще более вас одарит и будет милостивее к вам”.²⁰

Тогда же резко осложнились отношения между Россией и Абхазией, так как сын отравленного владетеля Мегрелии находился в заложниках у Келешбея. Русские военные власти потребовали немедленной выдачи Левана Дадиани и на дерзкий отказ Келешбея, ответили военной акцией: в марте 1805 г. русский генерал Рыкгоф отбил у него крепость Анаклию. В результате долгих переговоров абхазский владетель вернул 2 апреля 1805 г. заложника Левана, ставшего формальным владетелем, в то время, как действительной правительницей Мегрелии вплоть до совершеннолетия Левана была его мать Нина Дадиани. В обмен на Левана абхазский владетель вновь получил крепость Анаклию. Тогда же Келешбей пытался наладить внешнеполитические связи с наполеоновской Францией и даже вел переписку с ее знаменитым министром иностранных дел Талейраном.

В разразившейся русско-турецкой войне 1806-1812 гг. царизм пытался использовать влияние Келешбея в своих интересах, тем более, что русские сомневались в искренности и верности Келешбея, когда он просился в Россию. Один из влиятельных чиновников в С.-Петербурге в июне 1806 г. писал: “Нужно удостовериться,

*сколь чистосердечна преданность Келеш-бека к России”.*²¹

Скоро такой случай представился. В 1807 г. 60-летнему владельцу Абхазии русские власти предложили отбить у турок крепость Поты, но он уклонился от каких-либо военных действий. Командующего войсками России на Кавказе графа Гудовича активно настраивал против Келешбея генерал Рыкгоф, ставший заклятым врагом Абхазского владетеля. Так, в рапорте от 8 июня 1807 г. Рыкгоф отмечал: “Келеш-бек только наружно оказывает Русским его дружбу”.²² В ответ граф Гудович обращается к Келешбею (14 июля 1807 г.) с резкими обвинениями: “Не помогли нашим войскам против Турок, а еще падает на вас сомнение, что вы под рукою воспообляете Туркам”.²³

Этими важными документами почти на год обрывается всякое упоминание о Келешбее.

По всей вероятности, российские власти на Кавказе, подстрекаемые правительницей Мегрелии Ниной Дадиани, решили устранить строптивного Келешбея и воспользовавшись перемирием с Турцией, поставить во главе Абхазского княжества зятя мегрельских владетелей Сефербея Чачба, дискредитировав при этом основного наследника на престол Асланбея, мать которого из княжеской фамилии Дзяпш-ипа была первой женой Келешбея. В этих целях Сефербей, при поддержке Нины Дадиани и активном участии русской военной администрации в лице ген. Рыкгофа, организуют заговор против Келешбея, в результате которого он погибает в Сухумской крепости 2 мая 1808 г.²⁴

Между прочим, историк А. В. Фадеев в 1931 г. отметил: “Возможно, что и убийство Келеш-бея было организовано Дадианом”.²⁵ Через год он добавил: “Это политическое убийство, несомненно, было организовано не без участия Турции и мингрельских владетелей, опасавшихся осуществления абсолютистских замыслов Келеш-

²¹ АКАК, т. 3, с. 190

²² АКАК, т. 3, с. 197-198

²³ Так же, с. 198

²⁴ Дзидзария Г. А. Борьба за Абхазию, с. 16

²⁵ Фадеев А. В. К вопросу о феодализме в Абхазии. Сухум, 1931, с. 35

²⁰ Дубровин Н., с. 197

бея”.²⁶ Формулировку А. В. Фадеева, спустя некоторое время, почти буквально повторил Г. А. Дзидзария.²⁷

Интересно, что сразу после убийства Келешбея тон представителей русской администрации в отношении его деятельности, резко меняется. Если около года назад граф Гудович обвинял владельца в протурецкой ориентации, то уже 20 мая 1808 г. он сообщает министру иностранных дел России графу Н. П. Румянцеву о “смерти преданного России Абхазского владельца Келеш-бея...”.²⁸ С этого момента царские власти начинают формировать преднамеренный пропагандистский миф о якобы преданности Келешбея Чачба российскому трону, который бытует и по сей день.

Всю вину в официальных российских документах того времени за убийство Келешбея сваливают на Асланбея. Первые же сведения, как упоминалось, с описанием этого происшествия граф Гудович получил от Сефербея – весьма заинтересованного лица, и ген. Рыкгофа.²⁹ В то же время попытки самого Асланбея прояснить ситуацию не принимались во внимание русским командованием. Так, генерал Рыкгоф в рапорте графу Гудовичу сообщал об Асланбее: *“В каковом злодеянии он и виновным себя ни под каким предлогом не сознает, отзываясь заговором противу Келешбея посторонних. Я на письма сии ничем и по сие время ему не отвечаю...”*.³⁰

Такая странная реакция генерала говорит лишь о том, что ему и Гудовичу была хорошо известна подоплека событий, если не сказать большего.

В их задачу, по-видимому, входило устранение самостоятельного Келешбея и возведение на престол Сефербея. Однако этот план осуществился лишь наполовину. К великому удивлению организаторов заговора (не Турции разумеется) выяснилось, что Сефербей

²⁶ Фадеев А. В. Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии. Сухум, 1932, с. 12

²⁷ Дзидзария Г. А. Борьба за Абхазию, с. 17

²⁸ АКАК, т. 3, с. 199-200

²⁹ АКАК, т. 3, с. 198

³⁰ Там же, с. 205

не пользовался никаким авторитетом в абхазском обществе, а все симпатии народа, включая его родственников и близких, оказались на стороне “отцеубийцы” Асланбея, ставшего владельцем Абхазии. Такой поворот в событиях никак не устраивал царские власти, а особенно Нину Дадиани. Так, 8 июня 1808 г. она сообщает русскому императору Александру I о том, что к ней в Зугдиди явился “зять наш Сефер-бей” (был женат на Тамаре Дадиани, сестре Григория), который дал в доме Дадиани присягу на верность России и просил помощи и содействия российских войск в борьбе с законным владельцем Абхазии Асланбеем.³¹ Правительница Мегрелии пишет, что в случае признания Сефер-бея и принятия Абхазии в подданство России, пределы империи расширятся до Крыма, ибо “число Абхазцев немалое”.³² Нина Дадиани преследовала и свои личные цели, хорошо понимая стратегическое и торговое значение Абхазии.

В начале августа 1808 г. ген. Рыкгоф по приказу графа Гудовича двинул на Сухум объединенные силы правительницы Мегрелии и ее двух зятьев Манучара (из Самурзакана) и Сефербея Чачба. Но на помощь Асланбею в Сухум успел прийти на 3-х судах с войском его двоюродный брат, комендант крепости Поти Кучукбей Чачба (племянник Келешбея), а по суше прибыли 300 черкесов. Военная экспедиция, заготовленная заклятым врагом Келешбея и Асланбея ген. Рыкгофом, провалилась.³³ Крепость Сухум, так и не была взята, а Сефербей вновь вернулся в Мегрелию.

В результате авторитет Асланбея еще больше возрос. Он пользовался огромной поддержкой народа, высших слоев абхазского общества и многочисленного потомства Келешбея (на его стороне были все братья от Гасанбея до якобы раненного им Баталбея; Асланбея активно поддерживала и последняя жена Келешбея – Ребия-ханум Маршан), чего, в силу менталитета абхазов, никак не могло быть, если бы Асланбей на самом деле убил своего отца.

³¹ АКАК, т. 3, с. 201

³² Там же, с. 203-204

³³ Там же, с. 207-208

Асланбей Чачба

Кроме того, Асланбей, женатый на садзской (джигетской) княжне Геч (Гечба), пользовался большим почетом в западноабхазском обществе Садзен, а также среди убыхов и адыгов.

Таким образом, официальная точка зрения российских властей, попытавшихся опорочить Асланбея, обвинив его в “отцеубийстве”, осталась на бумаге, в российской военно-правительственной переписке, и не отвернула народ от законного владельца Асланбея.

Необходимо особо отметить, что в историографии, на протяжении последних почти двух веков, господствовала только тема “отцеубийства”, которая, вероятно, была сфабрикована в сугубо политических целях российскими военными и администраторами в 1808-1810 гг.

В то же время Нину Дадиани, действительно отравившую своего мужа, владельца Григория Дадиани, царские власти всячески поддерживали и оберегали только потому, что она служила интересам России. Более того, с помощью Нины они активно распространяли слухи об Асланбее якобы убившем своего отца и противопоставляли ему Сефербея, которому Келешбей еще при жизни будто бы завещал престол...

Но политика дискредитации не имела успеха. Асланбей пользовался безусловным авторитетом в стране и потому, что Сеферей, находившийся, вернее, скрывавшийся большей частью в Мегрелии под защитой русских штабков, постоянно “просил о даче ему войска для взятия Сухума, так как он остается почти совершенно обессиленным и даже изгнанным”. А российские военные просили прислать Черноморскую флотилию “для занятия Сухума, где усиливается отцеубийца Арслан”.³⁴

Забегая несколько вперед, следует привести один весьма поучительный факт биографии Нины Дадиани. Дело в том, что отношение к ней русских властей, не всегда было благосклонным. Оно изменилось, как только изменилась ситуация в этой части Кавказа, а Мегрелия отыграла главную роль проводника русских интересов в Западной Грузии и Абхазии. Так, 18 мая 1820 г. ген. Ермолов очень

³⁴ АКАК, т. 4, с. 419-420

негативно отзывался о Нине Дадиани, которая со своим младшим сыном Георгием (воспитанник Пажеского корпуса) жила в С.-Петербурге, но затем стала настраивать Георгия против брата Левана – владетеля Мегрелии. Во время волнений в Мегрелии Георгий вместе с бунтовщиками вел себя буйно и даже стрелял в русских солдат. Ермолов, зная властолюбивый характер Нины Дадиани, подозревал ее в кознях против сына Левана. Он запретил ей жить при царском дворе в С.-Петербурге и разрешил пребывать в Москве. Однако, император Александр I, разгневанный таким поведением и вероломством Нины Дадиани, запретил ей в июне 1820 г. проживать в столицах и сослал ее на жительство в Рязань под надзор губернского начальства.³⁵

III

В атмосфере полной утери какой-либо власти и появляются известные “просительные пункты” Сефербея (по крещении “Георгий”) от 12 августа 1808 г. к императору Александру I о принятии Абхазии в подданство России,³⁶ составленные на грузинском языке в Мегрелии под диктовку Нины Дадиани и ее духовника, протоиерея Иоселиани. В порыве откровения Сефербей сообщает Александру I, что все обращения о принятии Абхазии в Россию писал священник “Иоанн Иоселиани, который искренним сердцем советовал мне предать себя в подданство Императорскому престолу”.³⁷

На основе именно этих незаконных “просительных пунктов”, Александр I признал в своей грамоте от 17 февраля 1810 г. Георгия (Сефербея) “наследственным князем абхазского владения под верховным покровительством, державою и защитою Российской империи”.³⁸

Однако, необходимо обратить внимание на очень важное об-

³⁵ АКАК, т. 6, ч. 1, с. 626-627

³⁶ Полный свод законов Российской империи, т. 40, Приложение, с. 74, №241289. СПб, 1830

³⁷ АКАК, т.3, с. 209

³⁸ Материалы и записки по вопросу о владетельских и имущественных правах по-

стоятельство. На момент появления этой грамоты и даже значительно позднее Сефербей безвыездно жил в русской Мегрелии, не имея никакого влияния на Абхазию, которой уже около двух лет управлял законный владетель Асланбей.

Сам же Сефербей через Мегрельского священника И. Иоселиани неоднократно обращался в С.-Петербург, нетерпеливо ожидая как “Высочайшей грамоты, так и десанта войск из Крыма для покорения Сухум-Кале”.³⁹

Но произошло непредвиденное. Когда в июне 1810 г. полковник Симонович объявил в Кутаисе Сефербею, в присутствии мегрельской правительницы Нины, о присылке грамоты и других высочайших знаков отличия с тем, чтобы “он немедленно отправился в Абхазию для принятия оных с должною церемонией”, тот наотрез отказался. Он стал объяснять Симоновичу, что “весьма для него опасно принять оные в теперешнее время, когда соперник брат его владеет Сухумом и следовательно почти всюю Абхазиею и что он, услышав об утверждении его владельцем, будучи сам утвержден от Порты, непременно нападет на него с турецкими войсками, разорит и выгонит из Абхазии”. Совершенно обессиленный Сефербей просил отложить церемонию “до того времени, когда пойдут под Сухум российские войска и тогда при покорении под власть его народа может он принять знаки Всемилостивейшего к нему благоволения...”.⁴⁰

Генерал Тормасов “никак не ожидал” такого поворота событий и был просто в ярости. Он не предполагал, чтобы новый владетель всей Абхазии, “был столь бессилён в земле, предоставленной теперь его управлению, что даже опасается принять Высочайшую утвердительную грамоту и другие знаки отличия и не смеет ехать в собственный дом в Абхазии, боясь брата своего...”. Более того, Сефербей и лично обратился с письмом к ген.

томков светлейшего князя Михаила Шервашидзе, последнего владетеля Абхазии. Венден, 1913, с. 5-7; Внешняя политика России XIX века и начала XX века. Документы. Серия 1, т. 5. М., 1967, с. 372-373

³⁹ АКАК, т. 4, с. 238

⁴⁰ АКАК, т. 4, с. 420

Кутаис, июнь 1810 г: Сефербей отказывается от грамоты Александра I

Тормасову, в котором просил помочь ему русскими войсками, “без коих он не смеет даже из Мегрелии выехать в свое владение”. Русская военная администрация оказалась в трудном положении, но отказаться от покровительства Сефербею уже не могла, т. к. грамота Александром I была уже подписана. Ген. Тормасов в своем предписании Симоновичу от 15 июня 1810 г. отмечал, что “не остается теперь другого способа для поддержания его, как покорение крепости Сухума силою оружия и чтобы сим же средством Сефер-Али-бея ввести во владение Абхазией”. В этом же послании он подробно интересуется положением Абхазии, влиянием Асланбея. “Внушите также правительнице Мегрелии княгине Нине Георгиевне, – писал Тормасов, – что покровительство и милости, оказываемые Государем Сефер-Али-бею, последовали во уважение ее с ним родственных связей и по ее предстательству (ходатайство - С. Л.), а потому и должно ей всеми способами его поддерживать и утвердить его владетелем Абхазии”⁴¹.

Таким образом, судьба Асланбея и крепости Сухум-Кале была предрешена. По русскому военному плану штурм Сухума намечался морским десантом и сухопутным броском со стороны Мегрелии под командованием генерал-майора Д. Орбелиани. К этому времени Россия уже овладела турецкой крепостью Потти. Оставалось взять Сухум, который турки называли Старым Стамбулом,⁴² чтобы господствовать на восточном берегу Черного моря. Еще в марте 1810 г. управляющий министерством военно-морских сил адмирал, маркиз И. И. де-Траверсе отдал приказ о крейсеровании русских судов между Анапой и Сухумом, а 10 июня вице-адмирал Языков предписал контр-адмиралу Сарычеву направить из Севастополя в Сухум эскадру в составе: 66-пушечного корабля “Варахил”, двух фрегатов “Воин” и “Назарет”, одного авиза “Константин” и двух канонирских лодок с батальоном 4-го морского полка в 640 человек под командованием капитан-лейтенанта Додта. В таком

⁴¹ АКАК, т. 4, с. 421-422

⁴² Вестник Европы, 1867 (сентябрь), т. III, с. 108

составе 8 июля 1810 г. в 4 часа дня на Сухумский рейд прибыла военная эскадра, по которой из крепости был открыт огонь из пушек и ружей. На следующий день эскадра подошла ближе и в 3 часа дня открыла шквальный огонь своей артиллерии по крепости. К вечеру почти вся крепостная артиллерия была разбита, а городские строения разрушены. Стоявшие в бухте 7 турецких судов были потоплены. Утром 10 июля 1810 г. Додт высадил на берег батальон морской пехоты с двумя пушками под началом майора Конрадини. Однако выяснилось, что десант не имел штурмовых лестниц. В результате двухчасовой бомбардировки с суши и с кораблей русские войска заняли крепость. Со стороны Ингура в город вступила рота Белявского полка с двумя орудиями во главе с генералом Д. Орбелиани (весной 1809 г. сменил умершего ген. Рыкгофа) и русским ставленником Сефербеем. Асланбей вынужден был скрыться у своих родственников в абхазском обществе Садзен. В крепости, по сообщению капитан-лейтенанта Додта, было убито 300 абхазов и турок и в плен взяты 78 человек. Русский десант потерял 109 офицеров и солдат убитыми и ранеными. Додт захватил 62 пушки, 1080 пудов пороха и много ядер.⁴³

В том же году до 5 тысяч абхазов выселилось в Турцию. Это была первая в XIX веке волна переселения.

Как видно, все происшедшее в 1808-1810 гг. никак нельзя назвать добровольным присоединением Абхазии к России. Вместе с тем, эта точка зрения на протяжении многих десятилетий является официальной и единственной. Как показывают документы, события того времени не столь однозначны и заслуживают подробного исследования, включая изучение не только русских текстов, но и турецких, французских, английских источников, в том числе архивных.

Военный захват Сухум-Кале – это лишь первый шаг завоевательной политики царизма в Абхазии. Для закрепления своих позиций России понадобилась еще полувековая война с абхазским народом. Борьба между Сефербеем и Асланбеем была прежде все-

⁴³ АКАК, т. 4, с. 422-424

го борьбой двух влияний: русского и турецкого, а взятие Сухум-Кале являлось победой не Сефербея над Асланбеем, а победой России над Турцией в борьбе за Абхазию.⁴⁴

Сефербей, поддерживаемый русскими штыками, так и не стал уважаем в народе, хотя и переехал на жительство в Сухумскую крепость – единственное место в Абхазии, где он мог чувствовать себя в безопасности. Сюда же по приказу Тормасова осенью 1810 г. под охраной более 100 русских солдат и офицеров была доставлена хранившаяся в крепости Поти у полковника Мерлини грамота Александра I и другие знаки отличия. Сефербей принял их в Сухуме “при собрании” и дал “публично перед народом присягу на вечную верность” императору России, утвердив ее “своей подписью и печатью”.⁴⁵

Вместе с тем военные власти России прекрасно осознавали, что Сефербей слаб, а “партия его еще не слишком сильна противу его соперника” Асланбея, люди которого в декабре 1810 г. контролировали окрестности Сухума, несмотря на присутствие 1 тыс. русских солдат.⁴⁶ В марте 1811 г. Сефербей имел “самую малую партию”, а правительница Нина Дадиани опасалась нападения на Мегрелию со стороны “абхазов и горцев, большею частию приверженных к Арслан-бею”.⁴⁷

После взятия Сухума реальная власть оказалась в руках начальника крепости капитана Агаркова, который контролировал действия Сефербея. В своем рапорте начальству в январе 1811 г. он нелестно отзывался о новом владетеле и отмечал, что «дела в Абхазии мало имеют порядка». Сефербей был в страхе и ничего не мог предпринять против людей Асланбея. Абхазцы же, продолжал капитан Агарков, до “такой степени смелы, что подъезжают к крепости вооруженные, садятся по кустам и стреляют в солдат, так что опасно отойти от оной шагов на 100”.⁴⁸

⁴⁴ Кудрявцев К. Сборник материалов, с. 158

⁴⁵ АКАК, т. 4, с. 425

⁴⁶ АКАК, т. 4, с. 339

⁴⁷ АКАК, т. 4, с. 356-357

⁴⁸ Там же, с. 426

Вся Абхазия была охвачена волнениями народа. В крайнем раздражении командующий российскими войсками на Кавказе генерал Тормасов писал 15 марта 1811 г. Сефербею, что тот не предпринимает “деятельных мер против партии отцеубийцы... Арсланбея, которая возрастая мало по малу, может взять над вами перевес”. Тормасов призывал владетеля: “Прочно утвердите власть свою над Абхазским народом”. Генерал напоминал Сефербею: “*Вы силою оружия и покровительством (императора - С. Л.) утверждены законным владельцем, восстановлены во всех ваших правах и поддерживаетесь победоносными Российскими войсками...*”⁴⁹ В своих записках А. П. Ермолов, признавая Асланбея владетелем Абхазии (“некогда также владетель Абхазии”), по поводу Сефербея отметил: “Молодой князь Шервашидзе не имел людей приверженных, которые бы его остерегли, напротив, многие были со стороны убийцы.”⁵⁰

К концу войны турки потеряли все свои опорные пункты на Черноморском побережье Кавказа: Анапу, Суджук-Кале, Сухум-Кале, Анаклию, Потю. Международная обстановка диктовала необходимость скорейшего заключения мира с Турцией. Готовясь к нашему нашествию на Россию, на Висле развертывалась полумиллионная армия Наполеона.

В мае 1812 г. был заключен Бухарестский мир, по которому Россия приобретала все побережье Абхазии и Мегрелии. Тем самым надежно обеспечивалось присоединение к России Западной Грузии (Мегрелия, Имеретия, Гурия) и Абхазии, и укреплялась безопасность Крыма. Окончание войны с Турцией позволило ускорить завершение войны с Персией (1804-1813 гг.). Россия решила и главную стратегическую задачу: обеспечив мир на своих южных границах, она лишила Наполеона турецкого союзника.

⁴⁹ АКАК, т. 4, с. 428

⁵⁰ Ермолов А. П. Записки. М., 1991, с. 375

Особо следует остановиться на вопросе о так называемом тайном крещении Сефербея, которое якобы было совершено с благословения Келешбея Чачба еще при его жизни. Необходимо обратить внимание, что такая версия впервые была изложена 8 июня 1808 г. все той же Ниной Дадияни в письме непосредственному ее начальнику графу Гудовичу, т. е. сразу после гибели давнего врага их дома Абхазского владетеля Келешбея. Довольно искусно она излагает приятную для русских ушей мегрельскую легенду о героическом крещении Сефербея, и его новом имени Георгий. В основе этой манипуляции лежал прежде всего военно-политический смысл. “За сего Сефер-бека отец его Келеш-Ахмед-бек, — пишет Нина, — просил в супруги сестру покойного Григория Дадияни, но он ее не выдал, пока не просветил его святым крещением; когда же он просветился чрез священника двора нашего Симеона Асатиани и исповедал нашу веру, то за него была выдана сестра владетелева по бракосочетанию и это оставалось до сего времени в тайне. А ныне, если самодержавнейший Государь наш удостоит его чрез вас своим воззрением и примет в рабство, тогда объявит нашу веру не только он, но и вся Абхазия... Прошу твое (Гудович - С. Л.) главное благоуправление поревновать за них (абхазов - С. Л.), из почтения ко мне, дабы самодержавнейший Государь мой уважил и принял в свое рабство сего зятя моего Сефер-бека, который секретно называется по крещению Георгий, и пожаловал бы ему знак и грамоту, введя также и войска в Абхазию. Если же нам будет не по силам взять кр. Сухум, то Всемилостивейший Государь наш Император да возьмет ее силою своею, окружив ее войском”⁵¹

К сожалению, именно эта легенда легла в основу абхазской историографии и, по всей видимости, исключительно по конъюнктурным политическим соображениям.

Между тем анализ документов, опубликованных в Актах Кавказской археографической комиссии, указывает на ряд противоре-

⁵¹ АКАК, т. 3, с. 203-204

чий и даже подтасовок. Так, по тексту письма Нины Дадиани от 8 июня 1808 года получается, что сам Келешбей еще при жизни Григория Дадиани, скорее всего в 1802-1803 гг., чуть ли не просил Мегрельского владетеля отдать его сестру в жены Сефербею. Более того, оказывается, Григорий Дадиани поставил даже условие грозному Келешбею относительно необходимости крещения сына, то есть перехода из ислама в христианство, что якобы и было сделано Сефербеем “в тайне”, с помощью священника Мегрельского двора Симеона Асатиани.

Но хорошо известно, что в период женитьбы Сефербея, именно Григорий Дадиани нуждался в покровительстве Абхазского владетеля Келешбея, который и спасал его неоднократно от гнева имеретинского царя Соломона П. Ни при каких обстоятельствах Г. Дадиани и его жена Нина тогда вообще не могли ставить какие-либо условия Келешбею, т. к. были полностью зависимы от него и находились фактически в его власти. Нельзя забывать, что именно в это время малолетний Леван Дадиани, сын Григория и Нины, находился в Абхазии, и жил при дворе Келешбея в качестве заложника, аманата. Не Келешбей, а Григорий Дадиани считал за счастье выдать свою сестру замуж за Сефербея, хотя тот и не обладал правом на наследование престола.

Вообще, одно из первых, если не первое упоминание об этом браке, содержится в описании Литвинова, составленном в октябре 1804 г., в котором, между прочим, сказано: “Соседство, вражда и сила Имеретии противу Дадиани заставили его искать помощи Абхазского владельца Келеш-бека; *противность вер не воспрепятствовала им соединить себя родством*”.⁵² Это последнее обстоятельство о разности вер, которое не помешало женитьбе Сефербея Чачба и Тамары Дадиани, является важным свидетельством. Мегрельская владетельница Нина в своем спешном письме от 8 июня 1808 г. совершенно запуталась, когда сообщила Гудовичу, что Сефербея-Георгия крестил священник Симеон Асатиани, в то время как его окрестил после гибели Келешбея протоиерей Иоанн

⁵² АКАК, т. 2, с. 410

Иоселиани, ставший политическим и духовным наставником Сефербея.

Выдумки Нины Дадиани первым опроверг в своем рапорте графу Гудовичу генерал Рыкгоф, который, в частности, сообщал 10 июня 1808 г., что Сефербей “охотно приемлет религию Греческого (православного - С. Л.) исповедания со всеми ж его поданными, как он и прежде нетерпеливо желал исполнить, *но не смел оскорбить тем престарелого его отца*”.⁵³ Совершенно очевидно, что не без влияния Нины Дадиани и ее священника И. Иоселиани, Сефербей в июне 1808 г., когда отца уже не было в живых и нужно было бороться за абхазский престол с законным наследником старшим братом Асланбеем, решил перейти из мусульманства в христианскую веру. В своем обращении к русскому ген. Рыкгофу, написанном 21 июня 1808 г. явно под диктовку мегрельских владетелей, он сообщал: “Я и до сих пор хотел Христианином быть, а теперь так как такое дело случилось, то я хочу свое владение отдать, как Грузия и Одиши Государю принадлежать... *И я желаю Христианином быть* и потому расположен усердно к Государю... Пособите мне теперь войском, если хотите быть мне вашим.”⁵⁴

Вот с такими посланиями обращался к русскому командованию, с русской территории, из Зугдиди, Сефербей, срочно изъявивший желание переметнуться в православие, т. е. в веру русских и союзных им мегрельцев. Позднее, генерал Ермолов писал графу Нессельроде: “Турки не простят ему (Сефербею - С. Л.) прежнюю перемену закона и вступление под покровительство Христианского государя”.⁵⁵

В одном из документов прямо говорится, что возвратившийся из С.-Петербурга “*протоиерей Иоанн Иоселиани убедил владетеля Абхазии Георгия Шервашидзе вступить в подданство Всероссийского престола*”. Тогда же И. Иоселиани обратил в христианскую веру и самого Сефербея-Георгия.⁵⁶

⁵³ АКАК, т. 3, с. 205

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ АКАК, т. 6, ч. 1, с. 652-654

⁵⁶ Там же, с. 429

По этому поводу французский путешественник и ученый Поль Гибаль, побывавший в 1818-1819 гг. в Абхазии, особо отметил в своей рукописи, что Сефербея “не любили из-за его перехода в христианство”.⁵⁷

Политические события развивались стремительно и, главное, параллельно с вопросом о крещении Сефербея, которого русские власти именовали теперь Георгием.

В своем предписании от 14 июля 1808 г. гр. Гудович сообщал ген. Рыкгофу, что Александр I выразил полную поддержку Сефербею и что последний через Рыкгофа должен передать “просительные пункты” императору о принятии в вечное покровительство России.⁵⁸

Вскоре, возвращаясь из Персии, Гудович получил просительные пункты от Сефербея, под которыми тот подписался как “Георгий Шарвашидзе”. 3 марта 1809 г. Гудович с удовольствием пересказывал Салтыкову легенду Нины Дадияни о тайном крещении Сефербея и сообщил, что министр иностранных дел граф Румянцев объявил Гудовичу волю императора, разрешающую “приступить к принятию Абхазского владения в вечное покровительство” России.⁵⁹

V

При владетеле Сефербее-Георгии Шервашидзе (1810-1821 гг.) центральная власть в Абхазии совершенно ослабла. С прежней яростью вспыхнули междоусобицы. Наделенный Россией всеми правами владетельской власти, Сефербей был формальным правителем Абхазии и не мог существенным образом влиять на политическую обстановку внутри страны. По-прежнему независимыми оставались вольные общества горной Абхазии – Псху, Дал, Аибга, Цабал и др., которые “отказались быть покорными” России и владетелю.

⁵⁷ Гибаль П. Журнал моего путешествия...1820г. Рукопись

⁵⁸ АКАК, т. 3, с. 206

⁵⁹ Там же, с. 208-209

Амцахара: Асланбей с воинством

Владетелем Абхазии народ по-прежнему считал Асланбея. Время от времени он появлялся здесь и поднимал восстания. Так, в июле 1813 года в Абхазии под руководством Асланбея произошло “чрезвычайное волнение” против Георгия Шервашидзе.⁶⁰ На подавление этого выступления были двинуты русские военные силы с двумя орудиями и ополчение владетеля Мегрелии Левана Дадиани. Только таким образом Сефербей-Георгий сумел сохранить свою власть. Охраняемый русскими солдатами, он жил либо в Сухумской крепости, либо в Мегрелии, правители которой поддерживали его в борьбе с Асланбеем.

Здесь необходимо обратить внимание на следующее важное обстоятельство. Если Асланбей, как утверждали официальные власти России и владетели Мегрелии, был “отцеубийцей”, то почему именно его сторону, а не Сефербея-Георгия безоговорочно приняли все ближайшие родственники? Почему на стороне Асланбея неизменно выступали все сыновья Келешбея, его родные братья по отцу: Баталбей, которого он якобы ранил в день убийства Келешбея (со слов Сефербея), а также Гасанбей, Таирбей и Ростомбей? Каким образом последняя жена Келешбея, мать этих сыновей Ребиа-ханум Маршан, и мачеха Асланбея, приняла в июле 1813 г. сторону так называемого убийцы своего мужа?

26 июля 1813 г. в своем донесении ген. Ртищев сообщал графу Румянцеву, что Ребиа-ханум Маршан с двумя сыновьями перешла на сторону Асланбея, “под защиту сему извергу, который, впрочем, не родной ее сын” и что это “без сомнения может отклонить от верности Сефер-Али-бею всех подвластных его”.⁶¹

Приводимые факты могут лишь свидетельствовать о причастности Сефербея, а не Асланбея к убийству отца. В силу абхазских традиций и кровно-родственных отношений семья Келешбея никогда не приняла бы сторону Асланбея, если бы тот на самом деле был “отцеубийцей”. Между тем, все члены семьи с первого дня после гибели владетеля Абхазии поддерживали Асланбея.

⁶⁰ АКАК, т. 5, с. 499-500

⁶¹ АКАК, т. 5, с. 798

Георгий-Сефербей скептически характеризовался даже в официальной переписке русских политиков и военных. Так, например, в декабре 1814 г. ген. Симонович сообщал ген. Ртищеву, что Георгий Шервашидзе хотя и предан России, “но не успел еще приобрести полной силы и доверенности в народе Абхазском, по причине коварных происков брата его отцеубийцы Арслан-бея, не оставляющего претензии своей на Абхазское владение и домогающегося сей своей цели чрез покровительство Турок”.⁶²

Не изменилась ситуация в лучшую для Георгия сторону и спустя 4 года. Так, 25 апреля 1818 г. он обращается с письмом на грузинском языке к ген. Курнатовскому, в котором жалуется, что народ Абхазии не признает его и не повинуется ему. Георгий Шервашидзе пребывал в крайне истерическом состоянии: “*Прошу дать мне из владения Дадиани войско и также до 300 конных Имеретинцев, коих я присоединяю к своим верноподданным, под предводительством моим, заставлю оный дикий народ раскаиваться в своем поступке...*”.⁶³

Тогда же ген. Курнатовский докладывал ген. Сталю, что Г. Шервашидзе известил его о “явном ему неповиновении своего народа”. Далее Курнатовский 9 мая 1818 г. раздраженно сообщил: “*Абхазский владелец на самом деле еще слабее в управлении своим народом, нежели как сам о себе пишет, так что не смеет почти показаться народу, не хотящему ему повиноваться. Главнейшая причина такового неповиновения есть та, что настоящий владелец утверждён в сем звании без дальнейшего исследования о преданности к нему Абхазцев, — народа горького, вольного и воинственного и с коими управиться трудно и тому в ком нашлось бы более твердости и благоразумия*”.⁶⁴

Это было убийственное заключение о времени правления Г. Шервашидзе, умершем 7 апреля 1821 г. Незадолго до его смерти 5 февраля 1820 г. ген. Курнатовский делился своими впечатлениями

⁶² Там же, с. 480-481

⁶³ АКАК, т. 6, ч. 1, с. 644

⁶⁴ Там же.

о Георгии Шервашидзе с ген. Вельяминовым. Георгий прибыл в Имеретию и заявил Курнатовскому о “своей непоколебимой преданности Российскому Престолу”. По этому поводу генерал ехидно, но справедливо заметил: “Впрочем, ни измена его (Г. Шервашидзе -С. Л.) дальнейшего вреда, ни верность значительной пользы не могут нам принести за крайним его в принадлежащем ему владении бессилием”.⁶⁵

После смерти Г. Шервашидзе в Абхазии снова вспыхнули “беспокойства и возмущения”. Многие абхазские князья и народ желали видеть владетелем Асланбея или его брата Гасанбея. Но заменивший в это время Ермолова (выехал в Санкт-Петербург) генерал-лейтенант Вельяминов, по совету владетеля Мегрелии Левана Дадиани, объявил “правительницей Абхазии” вдову Г. Шервашидзе княгиню Тамару Дадиани (тетка Левана). Чтобы обезопасить Тамару Вельяминов отдал приказ арестовать Гасанбея Чачба и выслать его в Сибирь (1821-1828 гг.). Абхазы взбунтовались и отказались признать Тамару правительницей Абхазии.

Ген. Ермолов 29 мая 1821 г. писал графу Нессельроде, что братья Гасанбея – Баталбей, Ростомбей и Таирбей “явно восстают” против Тамары Дадиани. Более того, Таирбей был направлен в Константинополь за помощью для взятия Сухум-Кале и с просьбой возвести в “звание владетеля Абхазии... Арслан-бея”.⁶⁶

Летом 1821 г. Асланбей вернулся на родину. При поддержке своих родственников садзов, убыхов и псхувцев он поднял восстание, “овладел всею Абхазиею” и обложил Сухумскую крепость. В источнике сказано, что после смерти Г. Шервашидзе в 1821 г. “возник мятеж в княжестве, произведенный и поддерживаемый братьями покойного” и направленный против передачи власти сыну Георгия Дмитрию (Омарбею) Шервашидзе.⁶⁷

Арест Гасанбея. 1821 год.

⁶⁵ АКАК, т. 6, ч. 1, с. 575

⁶⁶ АКАК, т. 6, ч. 1, с. 656

⁶⁷ Там же, с. 665

К этому времени, к 1821 г., относится историческое предание "Из Кисловодской старинь. У замка коварства и любви",⁶⁸ в котором рассказывается о стремительном набеге Асланбея на великосветский курорт с целью устранения претендента на Абхазский престол молодого князя Дмитрия – сына Сефербея. Произошло это в тот момент, когда князь Дмитрий влюбился в Кисловодске в златокудрую княжну Татьяну Голицыну. "Исторические данные указывают, – говорится в этом источнике, – что крепость Кислый подвергалась также нападению и абхазцев. Об этих джигитах никто не помнит в Кисловодске. По крайней мере в разговорах больше упоминают о кабардинцах и черкесах. Между тем, Абхазия почти вплотную прилегала к Кисловодскому району... Правда это была горная и теперь недоступная для прохода местность для всех, но не для абхазцев джигитов. Их лошади как кошки царапались по неприступным скалам. Преследовать их было совершенно немыслимо...

В числе курсующих в Кисловодске был один из претендентов на княжество Абхазии князь Шервашидзе. Блестящий офицер, воспитанный в Петербурге, и уже там известный на балах и великосветских вечерах, принятый при дворе, князь, конечно очаровал весь курортный бомонд и многие мамы мечтали устроить для дочек блестящую карьеру "княгини Абхазии". Если бы они, правда, имели понятие о том, какая жизнь предстоит княгине впоследствии, что представляет из себя княжество Абхазия, эта непрерывная бойня родов, кинжальщина, интриги и разбои, тогда едва ли пожелали бы своим дочкам такую карьеру.

Князь Абхазии (Дмитрий - С. Л.) прибыл в Кисловодск с большим конвоем, со свитой приверженцев, вооруженный с ног до головы. Да иначе и нельзя было.

В это время в Абхазии хозяйничал другой претендент на престол из того же рода Аслан-бей, более популярный в народе, но не

признанный русским правительством.

Два претендента были два кровных врага и встреча их на узкой дорожке окончилась бы гибелью одного из них...

А в то время, как официальный владелец Абхазии изнывал в Кисловодске от любви к княжне Татьяне, в самой Абхазии другой конкурент усиленно работал, агитируя против русского протезе и обещая старейшим и "почетным людям" аулов турецкую поддержку... Конечно, прежде всего надо было уничтожить конкурента... Аслан-бей с сильным отрядом направился по горной местности к Кисловодску, предполагая встретить возвращающегося князя Шервашидзе, завлечь его в засаду и уничтожить вместе с конвоем... У Аслан-бея созрела мысль отделаться от конкурента тут же. С отборным отрядом он стал рыскать около курорта, поджидая свою добычу...".

Таково историческое предание, сведения о котором были предоставлены мне известным абхазоведом Асланом Гожба.

VII

Абхазское восстание, которым руководил Асланбей, было разгромлено князем Петром Горчаковым в ноябре 1821 г. Он привез нового владельца Дмитрия (Омарбей), сына Сефербея. По приказу Горчакова вокруг Сухум-Кале были опустошены и сожжены абхазские села. "Оставив в Соуксу (Лыхны - С. Л.) две роты Мингрельского Полка, – сказано в источнике, – собственно для защиты Абхазского владельца, он возвратился с отрядом в Имеретию".⁶⁹

Находившийся с детства в заложниках в Петербурге, Дмитрий забыл родной язык, обычаи и пользовался еще меньшим авторитетом, чем его отец Сефербей. Для охраны Дмитрия Горчаков оставил солдат под командованием майора Ракоци. Опасаясь приверженцев Асланбея, Дмитрий около года прожил в Лыхны, как пленник. Однако, 16 октября 1822 г., по версии его матери Тамары Да-

⁶⁸ Газета: "Кавказский край" (Пятигорск), 1912, 27 ноября, № 266

⁶⁹ Князь П. Д. Горчаков. Очерк служебной деятельности. СПб, 1862, с. 14-15

диани,⁷⁰ он был отравлен человеком Асланбея Урусом Лакоба (Лаквари). По свидетельству же русских офицеров, с которыми Дмитрий постоянно общался, молодой владетель в течение последних трех месяцев болел, страдая лихорадкой, и умер от малярии.

Вскоре после смерти Дмитрия император 14 февраля 1823 г. пожаловал его брату Михаилу (Хамудбею) титул владетеля Абхазии (правил до 1864 г.). Власть несовершеннолетнего Михаила оказалась очень слабой. В 1824 г. под руководством Асланбея вновь вспыхнуло восстание, которое охватило всю Абхазию. Более 12-ти тысяч абхазов заблокировали русские гарнизоны в Сухумской крепости и Лыхненском укреплении. Горчаков отдал приказ Сухумскому коменданту подполковнику Михину навести порядок. С отрядом в 225 штыков в мае 1824 г. он предпринял ночное нападение на одно из абхазских сел и сжег его. Возмущенные такой жестокостью, абхазы разгромили отряд, а Михина убили. Восстание вспыхнуло с новой силой. Из Анапы на турецком корабле опять прибыл Асланбей. В течение полутора месяцев русские солдаты обороняли Лыхненское укрепление, в котором находился владетель Михаил. Положение очень тревожило Ермолова. В июне 1824 года в Абхазию были двинуты крупные военные силы: эскадра Черноморского флота, 2000 русских солдат и 1300 всадников мегрельского ополчения. С моря своей артиллерией их поддерживал фрегат "Спешный". Кроме него в операции были задействованы: бриги "Орфей", "Меркурий", "Ганимед", фрегат "Евстафий" и шхуна "Голец".

Карательной экспедицией командовал Горчаков, который подавил в августе выступление, потеряв при этом около 800 солдат и офицеров. Асланбей вновь был вынужден эмигрировать в Турцию.⁷¹

В последний раз Асланбей прибыл в Абхазию в 1830 г. и попытался поднять восстание против своего племянника владетеля Михаила. Но к этому времени присутствие царизма в крае усилилось и Асланбей вынужден был навсегда покинуть свою родину.

⁷⁰ АКАК, т. 6, ч. 1, с. 663-665

⁷¹ Русский биографический словарь, т. 23. СПб, 1911, с. 100

До самой смерти он жил в Константинополе. Известно также, что во время Крымской войны, в 1855 г., сын Асланбея высадился в Абхазии вместе с турецким десантом Омер-паши и был с почетом принят народом.⁷²

Асланбей был действительно законным владетелем Абхазии и после потери престола в результате интервенции России 1810 г., в течение 20 лет (до 1830 г.), продолжал борьбу с царской Россией и ее ставленниками в Абхазии.

⁷² Эсадзе С. Исторические записки об управлении Кавказом. Том 1. Тифлис, 1907, с. 148

SUMMARY

The given article under the title «Aslanbey (On political struggle in Abkhazia in the first half of the 19 century)» is written by Stanislav Lakoba, a historian, it is devoted to one of the dramatic periods in the political history of Abkhazia covering the rule of Keleshbey Chachba (Shervashidze), Prince of sovereign Abkhazia, and his sons and grandchildren Asianbey, Seferbey, Dmitri and Mikhail.

The historical essay is based on historic documents and introduces a necessary corrective into the historical record of Abkhazia's absorption into the Russian Empire. A shorter version of the article was published in the book «The Abkhazians (ed. George Hewitt. London: Curzon Press, 1998-99, pp. 67-79)

At the beginning of the 19 century the Abkhazian principality ruled by Keleshbey found itself in the epicenter of struggle between the growing Russian power and Turkey. In 1806 Keleshbey succeeded in ridding himself of Turkey's protectorate and becoming an independent ruler. At the same time Russia was making significant military and diplomatic effort to spread its influence over Abkhazia, having Megrelia at the spearhead of its politics in the region. Megrelia was the first in Western Georgia to enter the Russian Empire in December 1803. Powerful Keleshbey, who with the help of his fleet controlled the Black Sea coast from Anapa to Poti and kept Megrelia in constant fear, pursued independent and flexible policy. Such policy ran counter the Russian strategic plans in the region. In contrast to Keleshbey, Princess Nina Dadiani, the ruler of Megrelia (she poisoned to death her husband Prince Grigori) was the proponent of Russian policy in this part of the Caucasus. Aided by the Russian military and using Keleshbey's son Seferbey, Princess Nina organized a plot against Keleshbey, as a result of which he perished in the Sukhum fortress on May 2 1808. The Megrelian ruler and her collaborators attempted to establish at the head of the Abkhazian principality Seferbey, who enjoyed no right of succession (his mother came from a peasant family) but was the brother-in-law of Nina Dadiani. However this scheme was only half realized, it was Aslanbey (Keleshbey's oldest son by his first wife, Princess Dzjapsh-lpa) who became the new ruler of Abkhazia. After such a fiasco

Nina Dadiani, Seferbey and Russian General Rykgof attempted to defame Aslanbey, the legitimate heir of the Abkhaz throne, by charging him with the killing of his own father.

Over the course of almost 200 years Russian and Soviet historiography has been dominated by this theme of parricide. However, although in official Russian documents of that time (the first accounts were given by none other than Seferbey, Nina Dadiani and Rykgof) the entire blame for the killing of Keleshbey was shifted onto Aslanbey, in the Abkhazian society nobody believed in such allegations. In fact, Aslanbey enjoyed the strong support of his people. This was also reflected in the Abkhaz folklore, where Aslanbey is depicted as national hero.

After the murder of Keleshbey Seferbey fled Abkhazia for the Russian Megrelia. Respecting the will of Nina Dadiani and her confessor, the arch-priest Ioann Ioseliani, Seferbey converted from Islam to orthodox Christianity and was

baptized Giorgi. On 12 August 1808 he addressed Alexander I, the Russian Emperor with an appeal to adopt Abkhazia as a subject of Russia. It was on the basis of these illegal «pleading points» of Seferbey that Alexander on February 17-th 1810 recognized «Giorgi Sharvashidze» (Seferbey) in his charter as the hereditary prince of the Abkhazian throne under the protection of the Russian Empire.

The researchers engaged in the study of the given period tend to ignore one very important detail. At the time of the appearance of the charter and for a significant period thereafter Seferbey lived without interruption in the Russian province of Megrelia and had no influence at all over Abkhazian affairs, which already for two years had been governed by Aslanbey, Aslanbey enjoyed unconditional authority in the Abkhazian society, and his standing was high among the relatives of Keleshbey, including his sons and even widow (Keleshbey's last wife), which, given the mentality of the Abkhazians, could just not have been the case, had Aslanbey in fact killed his own father.

On the contrary, Seferbey was regarded as a traitor by the Abkhazian people, who never recognized him as their ruler. Seferbey spent most of his time in Megrelia and kept asking for Russian military aid to take the fortress of Sukhum and return to Abkhazia as ruler.

The Sukhum-Kale fortress fell on 10 July 1810 as a result of the Russian military intervention. The fortress was stormed by a naval landing and a thrust by land from Megrelia.

What happened in 1808-1810 can hardly be described as Abkhazia's voluntary entering the Russian Empire. However for decades this has been the official and the only view on the events of the described period.

Military seizure of Sukhum-Kale was the first step in the conquest of Abkhazia by the Russian Tsar. It took Russia half a century to fight the Abkhaz people to achieve its ultimate goal.

Seferbey (1810-1821) who was set on the Abkhazian throne under the defense of Russian bayonets was never recognized by the society and had little authority in the country. Not long before Seferbey's death a Russian General Kurnatovski wrote: «The Abkhaz ruler is even weaker in governing his land than he is writing about himself, He even dares not to appear in front of his own people» (9 May 1818).

For 20 years (1810-1830) Aslanbey continued to lead unequal struggle against the Russian army. More than once he raised rebellions against Seferbey-Giorgi, usurper of the Abkhaz throne, and other protegee of the Russian Tsar's administration.

Основные источники и литература

1. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею, т. II (1802-1806 гг.). Тифлис, 1868.
2. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею, т. III (1806-1809 гг.). Тифлис, 1869.
3. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею, т. IV (1809-1811 гг.). Тифлис, 1870.
4. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею, т. V (1811-1816 гг.). Тифлис, 1873.
5. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею, т. VI (1816-1827 гг.). Тифлис, 1874.
6. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 1. М., 1823.
7. Вестник Европы, 1867, т. III.
8. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы. Серия 1, т. V. М., 1967.
9. Гибаль П. Журнал моего путешествия... Рукопись. 1820.
10. Дзидзария Г. А. Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века. Сухуми, 1940.
11. Дубровин Н. История войн и владычества русских на Кавказе. Т. IV. СПб, 1886.
12. Ермолов А. П. Записки. М., 1991.
13. Кавказский край (Пятигорск), 1912, 27 ноября, № 266.
14. Князь П. Д. Горчаков. Очерк служебной деятельности. СПб, 1862.
15. Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии. Сухум, 1922.
16. Материалы и записки по вопросу о владетельских и имущественных правах потомков светлейшего князя Михаила Шервашидзе, последнего владетеля Абхазии. Венден, 1913.
17. Материалы по истории Абхазии. Сухуми, 1939.
18. Полный свод законов Российской империи. Т. 40. СПб, 1830.
19. Русский биографический словарь. Т. 23. СПб, 1911.
20. Стражев В. Горсть. Сухум, 1923.
21. Фадеев А. В. К вопросу о феодализме в Абхазии. Сухум, 1931.
22. Фадеев А. В. Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии. Сухум, 1932.
23. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. т. 1. Тифлис, 1907.

